

Владимир Хотилев

Повесть палёных лет

Короткие повести

Владимир Хотиллов
Повесть палёных лет.
Короткие повести

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16855895

ISBN 9785447441562

Аннотация

Кто-то назвал эти годы лихими... Для спекулянта, ставшего олигархом, или его жены, бывшей модели, они, возможно, таковыми и стали. Но на бескрайних просторах России для большинства людей эти годы без глянца, гламура, дутой, пустой зауми и лжи оказались именно палёными, поскольку в эти годы сгорели не только мечты и надежды многих людей, но и человеческие жизни. Вот об этом короткие повести о простых, обычных людях, которые, по сути, были обмануты и преданы власть имущими. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Любани	5
1	5
2	12
3	18
4	25
5	33
6	41
7	48
8	56
9	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Повесть палёных лет

Короткие повести

Владимир Хотиллов

© Владимир Хотиллов, 2018

ISBN 978-5-4474-4156-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Любани

Повесть

1

Кузьминична слегла через несколько дней после трагического случая с её соседом сверху: тот не то выпал, не то выбросился из окна в подъезде и разбился насмерть.

Поговаривали об этом всякое, а Жорик – сосед погибшего по площадке, немолодой мужчина со скандальным характером, особенно, когда выпивший, выразился о покойнике без сожаления, но с намёком:

– Такое дерьмо само не прыгает – может, кто помог?

Жорик недолюбливал его и как-то раз, повздорив с ним во дворе, умудрился к тому же ещё подрасться, поэтому участковый со следователем посетили квартиру Жорика чуть ли не первой, но у него было железное алиби: он в те дни находился в деревне, у родителей.

Да, многим такая смерть показалась странной, а кому-то даже загадочной. Конечно, вывалиться по неосторожности из распахнутого окна в подъезде или в квартире изрядно пьяному человеку довольно просто, но погибший, как установила экспертиза, находился, выражаясь протоколь-

ным языком, в лёгкой степени опьянения.

Ежели таким способом сводить счёты с жизнью, то, наверное, было бы удобней это делать с собственного балкона, где под ним ещё зеленел газончик и благоухала клумба с цветочками. Однако молодой человек, прощаясь с жизнью, летел с матерным воплем навстречу подъездному козырьку из железобетона, от соударения с которым лицо несчастного очень сильно повредилось, что доставило его близким, кроме страданий, ещё и лишние хлопоты.

О смерти молодого человека жильцы дома забыли быстро, но ещё быстрее они позабыли про слёгшую Кузьминичну – старуху помнили и заботились о ней близкие родственники, да изредка вспоминали в разговорах немногочисленные пожилые тётки и бабушки, выходящие во двор и больше не замечающие её на скамеечке возле своего подъезда.

Кузьминична, как и многие горожанки её возраста, происходила из сельских. Их родную деревеньку незадолго до войны начал поглощать растущий поблизости город. Хотя большинство обитателей деревушки являлись членами колхоза, но молодёжь уже тянулась в город. Потянулась туда и юная Кузьминична, в ту пору девушка Люба.

После восьмилетки она поступила в медтехникум. Когда настала лютая военная пора, то через год окончила его, а в ноябре Любу призвали по мобилизации в ряды защитников отечества. И служить бы ей в медсанбате на передовой или в прифронтовом лазарете, но судьба распорядилась так,

что девушка попала в эвакуогоспиталь, который развернулся в их городке той слякотной осенью.

Оказалась там Люба ни за взятку и ни по благу, который в ту пору был выше наркома. Просто в военкомате представитель от эвакуогоспиталя обратил внимание на низкорослую, худощавую, больше похожую на девочку-подростка, выпускницу медтехникума и, видимо, пожалел её, представив на миг, как эта девчушка будет справляться с ранеными бойцами в самом пекле сражений. А таких, вроде Кузьминичны, счастливиц, как затем выяснилось, в медтехникуме оказалось меньшинство.

Уже потом, много лет спустя, Кузьминична, тяжело вздыхая, вспоминала те времена и часто приговаривала:

– Если не тот добрый человек, наверняка бы погибла. И лежали бы мои бедные косточки неведомо где...

Врачи и медсестры эвакуогоспиталей считались тогда вольнонаёмными, но призванными по мобилизации. Только начальник эвакуогоспиталя, тот самый добрый дядька да комиссар медчасти считались военнослужащими.

Из эвакуогоспиталя молоденькая Люба, которую раненные ласково называли Любаней, на фронт не рвалась и ни писала никаких заявлений с просьбой отправить её туда, как делали некоторые военнообязанные медработники, и добросовестно проработала там до конца войны.

Так случилось, что страшная война, а ещё тот душевный человек, который пожалел Любу в военкомате, взяв на служ-

бу в тыловой эвакогоспиталь, и определили её судьбу. Здесь, ближе к концу войны, она встретила с тяжелораненым, молодым бойцом и влюбилась в него.

Парень был родом из западных краёв необъятной нашей державы, и жестокая война уничтожила у него всех его родных и близких.

Когда комиссованного солдата выписали, то они поженились. Мыкаться по чужим углам не стали и начали семейную жизнь в родительском доме Кузьминичны, в деревеньки, которая срослась с городом.

После войны жили тяжело, но не тужили, надеясь на будущее, и нажили с мужем сначала одну, а затем и вторую дочь. Всё бы ничего, но муженёк Кузьминичны, со временем, пристрастился к водочке. Запойным пьяницей не стал, но выпивал, как говорят сами любители зелёного змия, плотно.

Натерпелась от него Кузьминична за эти годы всякого, боролась, как могла, и даже родила ему сына – думала, что рождение наследника исправит супруга. Однако утихомирился он лишь на время, а затем опять вернулся к выпивкам.

Кузьминична пыталась понять причину его пьянства, но муж стал замкнутым, молчаливым и в чём-то, для бабьего её понимания, уже недоступным человеком, да к тому же не таким ласковым, как в молодые годы. И она, смирившись с этим, просто терпела.

Когда через родную деревеньку и их домовладение пролегла городская дорога в светлое будущее, именуемое ком-

мунизмом, в которое они ещё верили, то их большая семья, взамен утерянного жилища, получила от государства четырехкомнатную квартиру в новом кирпичном доме неподалёку.

Всё шло хорошо: Кузьминична ко всему притерпелась, дочери, одна за другой, повыскакивали замуж и вроде бы удачно; сын женился, вернувшись из армии, правда, муж-выпивоха вскоре помер да незаметно подкралась старость.

Оставшись одна в большой квартире, Кузьминична, как хозяйка, решила её поменять на меньшую, двухкомнатную. Поменяла в своём же доме, с хорошей доплатой, переселившись из одного крайнего подъезда в другой. Доплату поделила поровну, между дочками и сыном, а свою долю положила на сберкнижку.

Вот тогда Кузьминична обратила внимание на мальчугана – картинного ангелочка, который проживал с родителями этажом выше. Мальчишка ещё только собирался пойти в школу, и она часто замечала, как он игрался во дворе с девчонками старше его по возрасту. Девчонкам, видимо, нравилось водиться с этим смазливый, как кукла, мальчиком, которого они могли, когда хотели, всегда осадить, а если нужно, то сладить с ним руками... И был он у них вроде живой и забавной игрушки.

Так случилось, что сверстников и друзей-мальчишек у него во дворе не оказалось, поэтому он пропадал всё время среди девчонок. Кузьминична удивлялась этому и как-то

подумала: «Во, бабник растёт!.. Так дело пойдёт – не только родная мать, ещё другие бабоньки от такого наплачутся!»

Кузьминична считала, что сын её женился на хорошей женщине, только уж с крутым характером. Прожил с ней недолго, видно, страсть к горькой досталась ему по наследству от отца, а жена терпеть этого не могла. И терпела она недолго, а устав от пьянства супруга, выставила его за порог, затем развелась и вскоре уехала с дочкой из города.

Сын, вернувшись к матери, ничуть не образумился и продолжал выпивать. Тут лихие годы нагрянули – у него начались проблемы с работой, а у Кузьминичны, как у многих, деньжата на сберкнижке-то сгорели... Сын же, давно пропив свою долю, теперь над ней посмеивался, но страдая с похмелья, частенько требовал у матери денег на выпивку.

Кузьминична многого натерпелась от мужа, а здесь та же самая история с сыном да ещё похлеще... Терзал он её повсякому и растянулось это на долгие годы. Кузьминична никому на тяжёлую жизнь не жаловалась, даже дочерям, лишь иногда, в минуты откровения, говорила одной знакомой по дому:

– Как я намучилась!.. И кто б его от меня забрал, а то сил моих нет...

– Жениться ему надо – глядишь, может, образумится, – советовала знакомая.

– Да кому он нужен – пропойца такой! – возражала ей Кузьминична. – И никто... и ничто ведь его не берёт, даже

водка проклятущая!

Попил кровушки он у неё за это время немало, а когда умер после длительного запоя, то Кузьминична ни разрыдалась, особо ни опечалилась, лишь горестно вздохнула и почувствовала некое облегчение, словно ждала этой смерти, а затем перекрестилась и тихо промолвила:

– Прости, господи... прости...

2

Мальчонка с верхнего этажа рос быстро, превращаясь в интересного на вид молодого человека. А каков он на самом деле, то это Кузьминичну особо не беспокоило – ей бы в подъезде было тихо, без грязи да соседи сверху не заливали водой – вот и все проблемы.

Однако они всё-таки её тревожили: несколько раз заливали, но не так уж сильно. И когда к ней прибегала извиняться и предлагать компенсацию за причинённый ущерб перепуганная соседка, то Кузьминична вела себя великодушно, от помощи отказывалась и, наоборот, сама её успокаивала.

Бывший хозяина квартиры – супруг этой женщины, к тому времени был с ней в разводе, но отсуживать ничего у неё не стал. Муженька соседки Кузьминична видела редко, знала плохо, а про папашу мальчонки, как человека, поинтересовалась лишь разок у своего сына, когда того к себе в гости затащил сам сосед, наверное, ему было скучно в тот вечер пить одному.

– Ну и как тебе наш соседка? – спросила она тогда у сына.

Сын долго морщился, а потом, махнув рукой, проговорил нехотя:

– А-а... так себе... обычный, как все мужики!

– Как это, как все?! – усмехнулась Кузьминична. – Он чай

человек... Пёс дворовый – тот норов имеет, натуру свою, а у каждого человека свой характер.

– Мать, о чём ты – какая натура, какой характер?! – злился сын. – У него на уме, как у всех: для начала водочки вмазать, а уж потом с бабой своей поиграться... Вот и вся его натура!

Сын Кузьминичны был молчуном и предпочитал, как покойный отец, квасить в одиночку, поэтому собутыльником соседа сверху не стал. Тот вскоре укатил за длинным рублем в северные края и, похоже, там осел, а вежливый мальчонка, который, встречая Кузьминичну, всегда с ней здоровался, воспитывался с той поры без отца.

Года шли... Соседский парнишка незаметно отучился в школе, куда по причине своей болезненности пошёл с восьми лет; побывал там разок во второгодниках и поэтому, получив школьный аттестат со сплошными тройками, сразу же угодил в армию.

Афганская война к тому времени закончилась, однако в стране где-то ещё стреляли, убивали людей и продолжались, кому-то нужные, кровавые разборки. Мамаша, как не крутилась, но уберечь сынка от армии так и не смогла. Но нагрянула базарно-рыночная пора – на всё уже была своя цена... И у неё хватило сил, и денег, чтоб пристроить сынка на службу в своём городе, чему она и её чадо страшно радовались.

Соседский сынок пусть с приключениями, но отслужил во внутренних войсках, охраняя местную колонию, которая

располагалась в черте города, и по выходным дням, во время увольнений, имел возможность хлебать домашние щи.

Вернувшись со службы, умудрился, всего лишь за один год, пару раз жениться. Если первая жена, ещё не расписавшись с ним, просто сбежала от него через два месяца, то со второй он вступил в официальные отношения.

Ещё не став папой, пристроился по протекции тестя в тёплом местечке на северах. Но после рождения сына, жена распрощалась с ним, не пожелав жить дальше с бестолковым муженьком и, похоже, никудышным человеком. Вслед за этим сосед Кузьминичны автоматически лишился тёплого места на могучей и щедрой трубе, к которой в ту пору многие присосались. Не имея никакой серьёзной профессии, он вернулся домой под крылышко любимой мамочки.

Сосед Кузьминичне нынче не нравился и не потому, что здороваясь, воротил от неё лицо и бурчал в ответ, словно делал ей одолжение. Она подметила, как из бойкого на вид паренька он превратился в грубого и наглого мужика: вёл себя высокомерно, говорил со всеми через губу, подчёркивая этим некую свою значительность.

Кузьминична, повидавшая всякого на своем веку, понимала, что ничего исключительного в её соседе, который рос на глазах, нет и быть не может. Но перемены в человеке, которого давно знала, задевали старуху, и она как-то подумала: «Ишь, каким гоголем ходит!.. Думаешь, не знаем, кто ты?!.. Знаем, ещё, как знаем!.. По одним глазам бесстыжим вид-

но – кроме пустоты и злобы ничего, парень, у тебя нет!»

Ветрогона многие раскусили, в первую очередь старые жильцы дома, а он, как зверь, почуял это, но вести себя лучше не стал. С ней перестал здороваться и, проходя мимо, отворачивался, будто не замечая пожилую соседку, видимо, надеясь унижить Кузьминичну таким образом, а она, не ожидая от него ничего хорошего, этому уже не огорчалась.

В чужую жизнь нос она не совала, однако громкие голоса, частая ругань доносились регулярно, и причина всего происходящего у соседей не была для Кузьминичны секретом.

Она ни прислушивалась, что происходит у соседей наверху, и ни собиралась вникать в их ссоры – её лишь раздражало гроыханье дверей и постоянный топот ног непутёвого соседского сынка над головой.

– Вон, как растопался, малахольный... Как слон! – возмущалась Кузьминична в такие минуты. – Папаша – мужчина покрупней был – почти богатырь!.. И буйный, когда выпимши, но так не топал... А этот – трезвый или пьяный – один только грохот от него!

Соседка, встречаясь в подъезде с Кузьминичной, охотно с ней заговаривала, касаясь иногда проблем с сыном, скрывать которые было уже невозможно. Но Кузьминична подолгу с ней не беседовала, ничего ей не советовала, но чтоб не выглядеть чёрствой и бездушной, заканчивая разговор, приговаривала:

– Я, милая, прекрасно всё понимаю – сама намучилась...

Терпи!.. Терпи уж как-нибудь – могу лишь тебе посочувствовать!

И хотя мамаша, переживая за сына, старалась как-то на него повлиять, но всё было понапрасну. Сын же так умело мог к ней подластиться и успешно этим пользовался... Она баловала сынулю, потакала ему, а он доил её, как денежную корову. Не прошло и двух лет, как он, нигде толком не работая, продал старую и купил новую, более дорогую машину. А мамаша, сменив тактику, решила тогда оженить его – и вскоре в соседской квартире появилась молодая женщина.

Кузьминична никаких свадебных процессий и торжеств в то время не наблюдала, поэтому приняла её за новую сожительницу соседа.

– Мне-то что – кто она ему... – рассуждала вслух Кузьминична, усмехаясь. – Сожительница или жена законная – лопал бы водку меньше да по ночам надо мной не ревел, как медведь!

Мамаша пожила какое-то время вместе с молодыми, но ссоры не прекращались, и она, похоже, от отчаяния, а, может, из благоразумных соображений, оставив сыну квартиру, перебралась от них и стала жить в другом месте.

Первое время навещала молодожёнов часто, а затем всё реже и реже, уже не вмешиваясь в их жизнь и полагаясь в деле перевоспитания сына на его очередную жену.

Кузьминична видела эту женщину всего несколько раз, в соседнем магазинчике, и, разглядев вблизи, посчитала

её смешливой, жизнерадостной простушкой. Но простушка оказалось не такой уж простой – со старыми жильцами знакомиться не спешила, к общению с ними не стремилась и даже не здоровалась в подъезде.

«А простушка-пастушка, видать, с форсом... – подумала про неё Кузьминична. – Да, народ нынче не тот... Это тебе не в деревне – тут каждый сам по себе – дичком растёт!»

Топот, громыханье и ругань прекратились – стало тихо и сосед вроде бы начал где-то трудиться. Кузьминична успокоилась, полагая, что молодая соседская чета скоро заведёт детей. Однако время шло, а ничего такого не происходило.

Кузьминичне, в общем-то, было безразлично, но иногда она призадумывалась.

– Кто она ему, подстилка, что ли или прислуга какая?! – удивлённо вопрошала старуха. – Настоящей семьи без детей не бывает! – и, усмехнувшись, добавляла неодобрительно: – Ещё одна дурёха нашлась... Раба любви!

Соседи сверху не заливали её и особо не беспокоили, пока молодые не затеяли перестановку мебели и не установили брачное ложе прямо над ней. Вот тут начались уже другие звуки: шум от соседских любовных игр, возня, скрип кровати, сладостные стоны и крики во время соития.

Отголоски чужого сладострастия донимали Кузьминичну ни меньше, чем когда-то соседский топот. И натерпевшись вдоволь этих ночных звуков, она перебралась с дивана в проходной комнате в спальную, где раньше обитал её сын.

– Хоть здесь укроюсь от блядства вашего... – ворчала Кузьминична. – Жила б в одной комнате – точно умом рехнулась!

Но скоро в её жизнь вернулись старые, ещё не позабытые

звуки... Наверху возникали ссоры – доносились крики, ругань и даже плач жены соседа.

«Неужто бьёт?!.. И чего ждать от этого... уroda, – размышляла Кузьминична. – Правильно люди в старину говорили – дай, Бог, детей и в них толк!.. А толка нет – не жди ничего путного!»

Сама Кузьминична выходила замуж в ту пору, когда поколотив жену считалось делом не таким зазорным, а для многих и вовсе привычным. Но она перед свадьбой предупредила своего избранника: «Коли раз пальцем тронешь – сразу уйду!»

И хотя жизнь ей досталась нелёгкая, и отношения с мужем и сыном были непростыми, а порою обострялись до предела, но никто из них даже не замахнулся на Кузьминичну. А когда они были молодыми, то муж в минуты нежности часто называл её Любаней. Да и сын, в честь матери, назвал свою дочку Любой, и всё это согревало душу Кузьминичны, когда бывшее всплывало в памяти.

– Деньги... Всё деньги! – слыша соседскую брань, говорила Кузьминична и была права.

Непутёвый сосед временами где-то работал, но подолгу нигде ни задерживался. Мамаша-торговка вышла на пенсию, превратившись из денежной коровы в обычную бедную овцу... И доить её, как прежде, избалованный сынуля не имел возможности. А что-то поменять в своём характере, в образе жизни – так на это ни ума, ни воли у соседа, видимо, уже

ни хватало.

Соседская жена что-то предпринимала, пытаясь обуздать его тягу к выпивкам, и старалась, наверное, как-то повлиять на праздного и ленивого супруга. Но все её усилия оборачивались лишь временным затишьем.

Кузьминична, занимаясь делами на кухне, иногда производила вслух свой житейский диагноз, как приговор:

– Поздно, милая!.. С ним мамаша не справилась... Куда уж тебе, пастушка, с этим бараном упрямым сладить!.. Чего с тупаря возьмёшь?! – да ничего!.. Баран – он и есть баран!

Однако, вспоминая свою несладкую семейную жизнь, жалела в душе соседскую жену, а та однажды не выдержала и ушла от муженька. Что потом творилось с соседом?!.. Так это надо было видеть или хотя бы, как Кузьминична, всё слышать не по своей воле.

С утра пьяный сосед сначала гремел в квартире и топал ногами по полу, а потом настойчиво и беспрерывно звонил то жене, то её родственникам. Он постоянно что-то громко бубнил, чего-то от них требовал, иногда взрываясь и впадая в истерику. Затем, вроде бы успокоившись, кого-то тихо уговаривал, и потом снова начинал ругаться.

В короткие паузы между тишиной и руганью почему-то выскакивал на балкон и чуть ли не орал в телефон:

– Кто?!.. Куда?!.. Она моя женщина!.. Повторяю – она моя женщина!.. Объясните ей... объясните!

Этот многочасовой концерт так надоел Кузьминичне, что

она собралась и отправилась в гости к младшей дочке, которая жила неподалёку.

Весь остаток воскресного дня она провела у неё и вернулась домой поздним вечером. А перед сном вышла на балкон, подышать воздухом, но задумавшись, вздрогнула от неожиданности, когда над ней раздался охрипшей мужской голос всё ещё не протрезвевшего соседа.

Он устало, но достаточно громко кому-то доказывал:

– Она моя женщина... Повторяю... Кто?!.. Куда?!.. Она моя женщина!.. Объясните... объясните ей – вы же родители...

Но в тот вечер, услышав соседский голос, она быстренько убралась с балкона.

Когда во дворе, на скамеечке, не было знакомых тёток и старушек, Кузьминична любила сидеть у себя на балконе. Она наблюдала за дворовыми кошками, забегающими в поисках пропитания бродячими собаками, шумливыми поутру и обычно солидарными в эти похмельные часы местными алкашами. Но особенно она любила наблюдать за проходящими мимо людьми. Она внимательно смотрела на прохожих, что-то подмечая в их облике, походке, а иногда, чему-то удивляясь, покачивала с улыбкой головой.

«Какие все разные, – рассуждала Кузьминична, – и ведь у каждого, как свой нор, особая, своя походка... А если присмотреться, то и характер человека по ней несложно по-

нять... М-да!.. Глаза и походка много чего скажут, в чём человек никогда сам ни признается».

Вообще-то, старуха выходила на балкон в последнее время с опаской и не потому, что боялась высоты или сомневалась в его прочности. Просто сосед сверху очень часто курил, сорил пеплом, швырялся окурками, подолгу болтал по телефону. Мог порою высморкаться прямо вниз или рыгнуть с балкона, когда его неожиданно стошнит после пьянки... И всё это сильно Кузьминичне не нравилось.

Недовольная Кузьминична, подметая балкон, куда теперь залетал соседский мусор, иногда приговаривала:

– Хорошо нужду хоть тут не справляет... Ни капли совести у засранца!

Когда-то она жаловалась мамаше соседа, потом стыдила его самого, но всё оказалось бестолку, поэтому Кузьминична выходила на балкон всё реже и с неохотой.

– Молодец, что ушла! – рассуждала вслух Кузьминична про жену соседа. – Так его упыря, душегуба проклятого!.. А чего с ним жить?! – она молодая, глядишь, свое счастье ещё найдёт.

Но спустя некоторое время жена соседа вернулась, и Кузьминична огорчилась этому малоприметному для многих жильцов их подъезда событию.

«Дурёха, ты, дурёха, – мысленно упрекала она соседку. – Неужто ослепла от этого хлыща и ничего не замечаешь?!.. Ах, девка, девка, век плакать тебе от него!»

Однако споры, ругань и топот наверху с возвращением жены соседа поутихли, а сам он снова где-то пристроился. Но Кузьминична не радовалась этим переменам, в которые уже не верила, и на лучшее не надеялась.

Она просто удовлетворилась относительной тишиной и покоем от нынешнего соседского проживания и перестала о них думать. Правда, когда на кухне до неё доносились голоса с верхнего этажа, Кузьминична вспоминала про своих соседей и по привычке иногда задумывалась: «Ведь не зря же люди говорят – два сапога пара... А, может, они такие?.. И не могут уже без друг дружки, а?.. Господь с ними – пускай живут, коли им так хочется, лишь бы не заливали и не топали надо мной!»

Но так продолжалась недолго. И хотя Кузьминичну никто ни заливал, но соседи снова начали шуметь, выясняя отношения между собой. Она же, памятуя о прошлом, на соседские дразги внимания не обращала. Лишь однажды, после очередного громкого скандала, услышав женский плач, с тревогой подумала: «Видать, опять побил пастушку... Душегуб проклятый!»

И у Кузьминичны возникло желание при встрече с соседкой подсказать ей, чтоб она поскорей и навсегда рассталась с этим бессердечным иродом. Но встретиться с ней во дворе или ещё где-нибудь Кузьминичне не удавалось.

В подъезде поселились несколько новых жильцов, более молодых, чем его старожилы. Кузьминична толком их

не знала, поскольку они сторонились других обитателей подъезда. Выходя из своих квартир, чаще старались прошмыгнуть незамеченными – такой была и соседка сверху.

Многие жильцы, кроме Кузьминичны, уже поменяли входные двери по нескольку раз. Только у неё оставалась простенькая и неброская дверь, установленная ещё сыном. И она, поднимаясь по лестницам на свой этаж, иногда удивлённо восклицала, замечая дорогие стальные двери:

– Ишь, ты, как забронировались!.. Теперь, как в этих... сейфах, жить будут!

Всё же один раз соседка ей повстречалась и прошла, как раньше, не здороваясь, а Кузьминична, увидев её, остолбенела – вместо живой, смешливой пастушки мимо неё промелькнуло что-то бесформенное и размытое... Какое-то безглазое существо с пухловато-красным пятном вместо лица. Она так удивилась этому, что совсем забыла про свое желание поговорить с ней.

4

У себя в квартире Кузьминична выглядела расстроенной.

– С глазами беда или померещилось, что ли? – проговорила она.

Однако разглядывая из угла комнаты старые фотографии на стене, убедилась – дела со зрением у неё не так уж плохи, а странное лицо соседки, увиденное сейчас в подъезде, похоже, всего лишь зрительный обман от причудливой игры света.

Кузьминична немного успокоилась. На неприветливую пастушку, потерявшую собственное лицо, не обиделась, а, наоборот, стала жалеть её ещё больше.

«Да на ней лица нет!.. Ей просто стыдно – отсюда и лицо такое, – переживала старуха за пастушку. – Она прибитая жизнью... нечеловеческой... с этим упырём!»

Тот случай Кузьминична запомнила ещё и потому, что через день нашла Ваську – бездомного кота, которого потом приютила.

Она возвращалась с покупками из магазина и увидела кота дымчатого цвета. Застенчивый котик, с хрустом вращая своей головкой, несколько раз чихнул и внимательно посмотрел в её сторону. По его заинтересованному и трогательному взгляду становилось ясно, что он одинок и ищет друга на предстоящую осень и зиму.

– Вася... Вася! – непроизвольно вырвалось у Кузьминичны, и котик подбежал к ней.

Что-то защемило от жалости в душе у Кузьминичны и она, погладив котика, сказала:

– Пойдём, милый... Пойдём со мной, Вася!

И котик, изредка мяукая, отправился за ней следом; сначала шел до самого дома, а у подъезда остановился в нерешительности.

«Что про людей говорить?!.. Коты и те разные: один вежливый – никому дорогу не перебежит, другой вроде ноль внимания, а близко подойдёшь, так и норовит, как назло, перед носом твоим проскочить!.. И неприятно, если он чёрный, – рассуждала Кузьминична, стоя у двери. – А этот котик воспитанный!.. Вася... Василёк!»

Кузьминична ласково поманила котика. Он юркнул в подъезд за старухой следом и с того дня стал у неё жить.

Младшая дочь, услышав впервые, как мать кличет котика, с удивлением взглянула на Кузьминичну и спросила:

– А ты чего так его назвала?

– Что – плохо?! – ответила она, поглаживая котика.

– Да как-то... не очень... – неуверенно произнесла дочь – ей вдруг показалось, что имя умершего брата не совсем подходит для домашнего кота. Кузьминична догадалась, о чём могла сейчас думать её дочь и, тяжело вздохнув, выпустила котика из рук, приговаривая:

– Иди, Вася... гуляй, милый!

После этого она замолчала, будто задумалась о чем-то своем, а затем произнесла тихим, чуть виноватым голосом:

– Для меня сызмальства все коты Васьками были... А этого я на улице... нечаянно так кликнула – он отозвался... И приглянулся мне. Что ж делать, видно, судьба так теперь его кликать.

– Да ничего... – ободрила Кузьминичну дочь. – Всё нормально, мама. Если откликается, так и называй!

Кузьминична продолжала звать дымчатого кота Васькой, а он стал у неё настоящим любимцем и скрашивал ей не слишком радостную жизнь.

Васька оказался самостоятельным котом. Кузьминична выпускала его с весны по осень на улицу, иногда даже на ночь. Утром или в полдень она выходила на балкон, медленно и протяжно его окликая:

– Ва-ся... Ва-ся... Ва-ся...

Дисциплинированный кот появлялся чаще из подвала. Тогда Кузьминична спускалась во двор и там, рядышком с Васькой, отдыхала на скамеечке, а после возвращалась с ним домой.

В одну ночь шёл дождь. Гулко постукивали капли по карнизам и отливам, где-то рядом жалобно мяукал котёнок, часто и настойчиво. Послышались соседские шаги над головой. Кузьминична ещё не спала, поэтому заволновалась, но вспомнив, что Васька остался дома, успокоилась.

Дождь стучал монотонно, а котёнок продолжал мяучить, почти без пауз.

С верхнего балкона раздался грубый мужской голос:

– Пошел на хер!.. Будешь мне мяукать!

Ругань соседа Кузьминичну не удивила, зато последнее слово, произнесённое с ударением на первом слоге, прозвучало для неё непривычно.

Ночной дождь не утихал и старухе не спалось. Поблизости, с резким шумом от тормозов, остановились автомобили; захлопали двери, загалдели молодые голоса и в них потонули все прежние звуки, включая монотонный перестук дождя и мяуканье котёнка. Галдели долго и непонятно о чем, мешая ругань с придурковатым смехом. Звучащие в ночи голоса казались Кузьминичне громкими и неприятными.

«Когда-то люди здесь по ночам пели, – вспоминала старуха, – а сейчас один мат да визг стоит...»

Незаметно стало стихать и Кузьминична заснула.

Погасли ночные фонари – приближался рассвет; где-то прошла пьяная компания, пытаясь затянуть какую-то песенку, однако сил на неё уже, видимо, не оставалось – она у них заглохла и вскоре настала предрассветная тишина, которая успокоила улицы, бродячих пьяных и бездомного, продрогшего от дождя котёнка.

Проснулась Кузьминична от шума. Сверху доносилось топанье ног от беготни по комнатам и раздавались голоса. Она быстро смекнула, что там происходит: сосед громко домо-

гался пастушки, а та ему не давалась.

– Тьфу, вас к бесу!.. Спать старухи не дают!.. Уж не знаю, куда от вас скрыться... – ворчала она, вынужденная выслушивать сумеречные приставания соседа к жене.

И Кузьминична вдруг вспомнила как сосед, ещё не так давно, громко беседуя по телефону с мамашей-торговкой, упрасивал её с мольбой в голосе прихватить с собой что-нибудь вкусенького: «Мам, колбаски хочу... Колбаски!.. Привези хорошей колбаски, мамуля!»

«Паскудник!.. Колбасу у мамыши с лаской просил, – подумала Кузьминична, – а с женой, как с потаскухой обращается...»

– Дай... дай сиську!.. Так не хочешь?! – слышался голос соседа. – Дай, кому говорю... Сиську хочу!.. В грудь, сука!

Соседская парочка ещё некоторое время бегала по квартире и шумно возилась, а затем всё-таки утихомирилась на брачном ложе. Кузьминична вздохнула с облегчением, но сон расстроился, и она бормотала, ворочаясь в постели:

– Истинное слово – распутник... скотина...

Так Кузьминична и жила, слыша надоедливый топот соседских ног, брань и ссоры, где водка и интим были главными катализаторами бурных семейных процессов.

– Весь в папу пошёл... – обычно говорила в таких случаях Кузьминична, вспоминая слова своего сына. – Одно на уме – нажраться, а с похмелья над пастушкой поизмываться да понасильничать.

Иногда становилось тихо – соседи, словно куда-то исчезали, но таких дней, когда она могла отдохнуть от шума, было не так много.

Телевизор Кузьминичне разонравился, а когда-то любимые сериалы давно её не привлекали.

– Одни хихоньки да хаханьки кругом, – недовольно замечала она. – Только глаза устают и душа стынет от убийств этих... и срамоты одной!

Теперь она больше любила своего Ваську и радовалась, что у неё есть такой умный и ласковый кот. Но однажды весной, после прогулки, кот не вернулся домой и Кузьминична забеспокоилась: «Неужто сбёг?!.. Не может быть – Васька у меня ни такой!.. А, может, кака сладка кошечка его к себе приманила, а?»

Прошёл ещё день, но кот всё не появлялся. И Кузьминична уже устала звать его, уныло повторяя с балкона:

– Ва-ся... Ва-ся... Ва-ся...

А ближе к вечеру, выйдя во двор, узнала от знакомой тётки, что в соседнем дворе лежит мёртвый котик. Кузьминична тут же отправилась на то место и обнаружила там своего пропавшего Ваську с пробитой головой.

Погоревала она по погибшему котика, а затем положила его в пакет и отнесла к себе домой. Там Кузьминична нашла большую картонную коробку из-под обуви, уложила в неё Ваську, перевязала коробку лентой и собралась хоронить любимого кота.

Она позвонила младшей дочери и попросила внука занести ей небольшую лопатку.

Внук принёс детскую металлическую лопатку, которая хранилась у них дома со времен его недалёкого и беззаботного детства.

– Бабуля, ты, что в детский сад собралась?! – пытался подшутить над ней внучок. – В песочнице поиграть захотелось?

У дочерей Кузьминичны были только сыновья. Этот, самый молодой её внук, вниманием бабушку не баловал, впрочем, как и остальные. Навещал бабушку редко и ей бы радоваться, что он к ней заглянул, но старуха выглядела насупленной.

– Кота собралась хоронить, – сурово проговорила Кузьминична.

– Какого кота?! – с улыбкой спросил внучок.

– Кота моего – Ваську... Забыл, что ль?! – пробурчала старуха. – Вон, в коробке лежит!

– Сдох?!

– Убили, убили котика... радость мою... Негодники! – жалостливо и одновременно с недовольством произнесла Кузьминична, а затем спросила внука: – Пойдёшь со мной котика хоронить?

– А чего его хоронить?! – удивился внучок. – Взяла да отнесла на мусорку... Хочешь, я коробку прихвачу?

Кузьминична обиделась на внука, но вида не показала, лишь проговорив:

– Ладно, иди уж... Без вас справлюсь.

– А лопата зачем? – непонимающе спросил внучок.

– Зачем... зачем, – продолжала бурчать Кузьминична с серьёзным выражением на лице. – Червей копать... На рыбалку собралась – вот зачем!

Внучок юмор понял, но только скривил губы и ушёл.

– Правильно старики говорили – дай, Бог, детей да в них толк!.. А толку нет – не жди ничего хорошего! – произнесла она, когда внучок удалился.

После этих слов Кузьминична умолкла. Она присела и о чем-то задумалась, но размышляла недолго. Перед тем как встать с кресла, усмехаясь, сказала невесело:

– Разболталась ты сегодня, старуха... Разошлась... разошлась, будто молодуха!

Когда Кузьминична только перебралась на другую квартиру в их же доме, то не предполагала, что там будет более шумно, чем на старом месте.

Под окнами у неё располагался тенистый палисадник из уже разросшихся деревьев и кустов. А жильцы дома хотели больше солнца, поэтому по их требованию оградку у палисадника снесли, кусты выстригли, деревья спилили, оставив для красоты лишь одну сиротливую берёзку.

Стало светлей, зато шум теперь проникал не только из своего, но ещё из ближних дворов. И Кузьминична очутилась, таким образом, в эпицентре дворового шума, где слышались громкие людские голоса, непотребные выкрики, надоедливое чавканье проезжающих автомашин и прочие раздражающие звуки.

Когда всю скамеечку у подъезда занимали пожилые тётки и старухи, то Кузьминична во двор не выходила, а сидела на балконе и до неё доносились их разговоры.

Через двор, мимо женщин, прошли две молоденькие особы, и тётки, провожая девушек заинтересованными взглядами, сейчас их обсуждали.

– А эти... принцессы... откуда? – спросила одна из них, самая молодая.

– С нашего дому... с крайнего подъезда, – проговорила

старуха из соседнего дома, – студенточки, кажись...

Она хихикнула – усталые от жизни глаза у неё ожили, и старуха, улыбаясь, заговорила слегка приглушённым голосом:

– Видала этих девок... недавно в аптеке. Плизервативы покупали... ароматные... с душком банана и клубники – цельными пачками... Всё скупили, что там было!

– А куда им столь?

– Как куда?! – не стирать же их...

– Всю стипендию на них, чай, потратили... Да, нынче жизнь другая!.. А жить-то сладко хочется, вот и прихватывают, чем могут!

– Ишь, вырядились... соски! Всё задрали... До самых пупков – прости, господи!

– У них там притон, что ли? – спросила та, что помоложе.

– Изба-читальня, – засмеялась старуха, стыдливо прикрывая рот, – каждую ночь почитатели на машинах приезжают – шум-гам один... Спать не дают!

– Да... дела, – строго произнесла молодая тетка, видимо, самая авторитетная, а остальные, разом умолкнув, приуныли.

В глубине двора, вокруг стола, где раньше забивали «козла» мужики, нынче уже усопшие, собралась весёлая компания далеко не юных жителей из ближних домов, похоже, безработные.

«Алкаши, кажись...» – вглядываясь в ту сторону, подума-

ла Кузьминична.

Компашка что-то шумно обсуждала, иногда взрываясь смехом.

Старухе было непонятно, чему они радуются. Редкие, человеческие слова тонули в мате, и среди этого гвалта она уловила лишь упоминание о каком-то Андрюхи. Потом послышалось что-то более членораздельное, и Кузьминична догадалась, что они выясняют, у кого из них высшее образование – оказалось, что у половины.

Особенно громко, с каким-то радостным надрывом, словно желая известить об этом всю округу, кричала молодая на вид особа – единственная женщина в этой странной компании.

«И сколько их... вот таких... в эти часы? – со вздохом подумала Кузьминична. – И не только здесь, а у нас – повсюду!»

И ей почему-то стало страшно... Кузьминичне почудилось, что когда-нибудь такие вот люди неожиданно нагрянут со всех сторон, ворвутся не только в её квартиру, их дом, но заполнят собой всё вокруг... И начнут что-то требовать, и угрожать!.. Кузьминична перепугалась от этих мыслей и убралась с балкона, чтоб ничего больше не видеть и успокоиться.

На балкон она вернулась, когда противная компашка куда-то исчезла; пожилые тётки у подъезда разошлись, и на скамеечке расположился старичок. Однако в одиноче-

стве он прибывал недолго. Скоро к нему подсел бритоголовый, подпитой парень хулиганистого вида. Он, испытывая потребность в собеседнике, начал что-то рассказывать старичку про свою жизнь, размахивая руками и беспрестанно при этом ругаясь.

Благообразный старичок, который годился ему в дедушки, молчал и внимательно слушал матерщинника. Кузьминична, напротив, не могла разобраться в потоке брани, но по выражению лица старика ей показалось, что тот, не в пример ей, всё прекрасно понимает и даже сочувствует бритоголовому. Она удивилась этому, как некому нелепому видению, и замахала руками, будто отгоняя что-то нехорошее от себя.

– Небось, такой же... страшилище бритоголовое... убил моего Ваську, а я тут их ещё слушаю, – проговорила Кузьминична.

Обозлившись, она удалилась с балкона и не выходила на него целую неделю, пока не позабыла про всё увиденное.

Соседи сверху вроде бы успокоились, хотя топот не переставал раздаваться над головой Кузьминичны, но ссоры поутихли, и она стала замечать, что жизнь в соседской квартире временами замирала, будто соседи исчезали из неё на несколько дней.

«Может, где работают... посменно? – посчитала старуха, обнаружив перемены. – И где же?!.. Интересно... Наверное,

торгашами, а, может, охранниками. Сейчас все такие в них подались!»

В том, что сосед сверху годится только в сторожа или охранники, Кузьминична не сомневалась, а вот пастушка, по её мнению, на эти роли не подходила. Но после необычного затишья, наверху опять начинали шуметь. Иногда там раздавался весёлый голос пастушки и её смех. Чуткой Кузьминичне неожиданный смех показался каким-то нарочитым и даже немного дурашливым.

«Чудно как-то – неужто у них любовь такая?!» – подумала Кузьминична про повеселевшую пастушку и, сравнивая свою жизнь с чужой, неожиданно произнесла: – А что у меня было весёлого?

Она размышляла, но быстрого ответа не находила.

«Разное бывало... – вспоминала она свою молодость. – Любила ли я?.. Наверное... И дети у меня всё-таки, а дети... дети и есть любовь... А у них?!.. А у них пусто – вот всё и бесятся, никак не перебесятся...»

На днях она случайно встретилась с пастушкой в подъезде. Соседка прошла, не поздоровавшись, но Кузьминична этому не удивилась. Её лишь поразило, что мимо неё снова промелькнуло какое-то бесформенное, безглазое существо с пухловато-красным лицом, лишённым всякого выражения.

Кузьминична, вновь озадаченная увиденным, неспешно поднималась и рассеянно бормотала себе под нос:

– Молочка с булочкой, а дурачок с дурочкой... а дурачок

с дурочкой...

Дома старуха призадумалась.

«Кто они мне? – да никто! – удивлялась она и мысленно себя ругала. – А я о них всё раскумекалась – дура старая!.. Мне о своих внуках полагается думать, об их жизни...»

Кузьминичну часто посещали разные мысли о жизни, но были они не слишком радостными. Утром, просыпаясь, она испытывала необъяснимое, тягостное ощущение от одиночества и безысходности, словно старуху придавило тяжёлым камнем, не давая ей вздохнуть и наполнить душу хотя бы маленькой радостью.

Старшая дочь, что жила в другом конце города, заглядывала редко. Младшая, проживавшая рядышком, не оставляла её без внимания и Кузьминична это ценила. Внуки мужского пола, бабушки не сторонились, общались с ней от случая к случаю, но тяги к себе она в них не замечала. Оставалась, правда, ещё внучка Люба от неудачного брака умершего сына.

Раньше, когда она была совсем маленькой, Кузьминична общалась с девочкой и не чаяла в ней души, но внучка уже давно уехала с матерью в дальние края и отношения их прервались.

Кузьминична изредка корила сына за то, что тот совсем забыл про свою дочь, а сама, надеясь на лучшее в будущем, даже пыталась что-то предпринять, но у неё ничего не получалось – сын умер, а родители бывшей снохи куда-то пере-

ехали и последняя ниточка оборвалась.

На днях, прогуливаясь по улице, она обратила внимание на моложавую женщину в джинсах и кожаной куртке, которая шла с девочкой, возможно, внучкой. У девчухи забавно, как рожки, торчали вверх короткие косички, и она, не умолкая, что-то щебетала.

Кузьминичне не нравились женщины в джинсах, особенно, немолодые, но у стройной дамы были тёмные, некрашенные волосы, а джинсы красиво облегли не толстую и ещё упругую на вид попку.

Кузьминична решила, что, наверное, ошиблась и ей повстречались не бабушка с внучкой, а, скорее, мама с дочкой. Но девочка, которая недавно встала на ноги и сейчас училась говорить, вдруг громко произнесла:

– Баба, ты кака!

– Сама ты кака... – равнодушно проговорила уже теперь очевидная бабушка.

Девочка задумалась, а затем всё так же громко и без обиды сказала ей в ответ:

– Нет!.. Ты, баба, большая кака!

– Меня не трогает, что ты говоришь!.. И что ты думаешь... – безразличным тоном ответила бабушка в джинсах.

Привычная и чем-то однообразная одежда делала её безликой, и Кузьминична решила разглядеть женщину поближе. С этой целью она обогнала еле плетущуюся парочку и попыталась взглянуть на молодую бабушку, но та неожиданно

отвернулась от неё, и Кузьминична, словно спохватившись, подумала в эту секунду про свою внучку: «Что с Любаней?.. Как она?!»

И только от этой мысли у старухи радостно вспыхнула душа о далёкой, но всё-таки любимой внучке, названной её именем. Однако радость быстро погасла, сменившись тревожной тоскливостью, и она, вспомнив про свои прежние, неудачные попытки увидеть внучку, загрустила.

Когда был жив сын, Кузьминична говорила ему: «Съезди́л бы к дочке – проведал, а потом погостить к нам пригласил или привёз с собой, что ли...»

Она, дожидаясь ответа, смотрела на сына, а тот застывал с мученическим выражением на лице, морщился, скрежетал зубами, затем отмахивался от неё руками и начинал орать: «Да, ты знаешь, сколько надо денег... Знаешь?!.. Уйма!.. Куча денег!»

Времена настали тяжёлые, а пьющий сын хотя и работал, но заработки имел неважные, и Кузьминична умолкала, будто соглашаясь с ним. Нынче, когда после смерти сына прошло немало времени, а связи с родственниками его бывшей жены оборвались, Кузьминична всё ещё сохраняла надежду увидеть внучку Любу.

Школу Любаня закончила через два года после смерти отца и теперь часто слышала от матери:

– Тебе, Люба, жизнь надо устраивать, а у нас на отшибе ни учёбы, ни работы, ни женихов путёвых – так что поезжай к бабушке с дедушкой... Там хоть не столица, зато с этим делом всё лучше... И не одна будешь – родня под боком!

Дочка послушалась её и отправилась туда, где родилась и жила в раннем детстве. Оказавшись в родном городе, посе-

лилась у родителей матери, чему те, поначалу, были несказанно рады. Но когда общительная внучка перезнакомилась с немногочисленными дворовыми сверстниками, стала гулять допоздна, а ещё и покуривать в подъезде с соседским парнишкой со второго этажа, в чём старики случайно убедились собственными глазами, то после увиденного несколько приуныли.

«Курит, значит, может выпить винца или водочки... А выпьет – там, глядишь, и до греха недалеко!» – просто рассуждали бабушка с дедушкой, умудрённые жизнью.

Учиться Люба не торопилась, чем ещё больше озадачила стариков, а вот с работой определилась легко – спустя месяц отправилась на кондитерскую фабрику.

– Сладких мест у нас сейчас нет, – сразу же предупредила её полноватая, суровая на вид тётка в отделе кадров и, бесцеремонно разглядывая юную посетительницу, добавила: – Требуется подсобные работники в цеха и уборщицы в административный корпус, – тут она замолчала и, заметив, нерешительность на лице Любы, внешне чуть смягчилась и сказала слегка подобревшим голосом: – Для начала лучше в цех – в подсобные... А потом проще в фасовщицы, например, или конфетчики перейти, если понравится.

Люба долго не размышляла. Тётка-кадровик, ещё недавно не слишком ласковая, внушала ей доверие, поэтому она согласилась с её предложением и через две недели вышла на работу.

С нехитрыми своими обязанностями она освоилась быстро, но в цеху по производству печенья, где работала Люба, к ней стал приставать один ещё молодой и, как выяснилось, женатый мужчина, избалованный в чисто женском коллективе чрезмерным к себе вниманием, и, видимо, уже окончательно им испорченный.

Похотливый слесарь-механик пытался при случае за что-нибудь её ухватить... И всё время звал Любу в раздевалку, за шкафы, где обещал дать что-то ей пососать, при этом странно и глупо улыбался, как ненормальный.

«Что я ему, прошмандовка какая? – удивлялась она. – А, может, он просто маньяк?!»

Время шло, слесарь-механик не унимался и девушка призадумалась: «И чего он ко мне прилип?.. Вон, технолог в цеху, совсем молоденькая, только после института – он же к ней не пристаёт?!.. А если я из подсобных, значит, можно?.. Можно лапать... гадости разные говорить – так, что ль?!»

Люба терпела, думая, как ей лучше отвадить от себя этого наглого, противного типа, и устав от приставаний, пожаловалась ребятам со двора:

– Достал один женатый придурок – проходу от него нет!

Ребята пообещали ей уладить этот вопрос и как-то после смены, подкараулив приставалу, поговорили с ним по душам, но бить слесаря-механика на первый раз не стали, решив, что пока хватит словесного внушения.

После разговора с приятелями Любы, приставала уже об-

ходил её стороной и всё реже попадался девушке на глаза. А вскоре она перешла работать фасовщицей в кондитерский цех и позабыла про эту неприятную историю.

Однако на этом Любины злключения не прекратились. И на новом месте у неё возникли проблемы со старшим мастером, которую многие звали за глаза стервой в мармеладе. Уж чем она не угодила ей и за что та невзлюбила Любу, разбираться девушке не хотелось, как, впрочем, и прибегать к помощи знакомых ребят из своего двора в непростых женских отношениях... Она просто уволилась с фабрики, когда ей всё это надоело.

Однажды, в поисках новой работы, неуживчивая Люба оказалась в малознакомой части города и, бросив случайно взгляд на старую женщину, стоящую около овощной палатки, признала в ней отцовскую мать – ту самую любимую бабушку из уже далёкого детства. Она приблизилась к ней и с удивлением спросила:

– Баба Люба?!.. Вы, баба Люба, да?.. Вы, меня узнаете... узнаете?!

Женщина вздрогнула и, обернувшись, посмотрела на неё с чуть испуганным видом, а затем, взглядевшись в девушку, вдруг вся засияла, причитая:

– Батюшки мои!.. Неужто Любаня?!.. Люба, внучка моя... Любаня, милая!

Радостная Кузьминична бросилась обнимать и целовать свою единственную внучку.

Уже потом, в квартире Кузьминичны, они пили чай и вели неторопливую беседу. Бабушка расспрашивала Любу обо всем. Ей, после стольких лет разлуки, очень хотелось знать про внучку всё. И дошла очередь поговорить о том, как она очутилась здесь.

– Мать отправила, чтоб кавалеров у неё не отбивала, – не то шутя, не то серьёзно сказала Люба, лукаво улыбаясь, но заметив непонимание на лице бабушки, уже через мгновение заговорила рассудительно: – Я же не маленькая – всё вижу... Ей свою жизнь устраивать надо, замуж выходить, а тут я рядом – одна забота да помеха!.. Я на неё не в обиде... В нашем городке всё равно делать нечего, особенно, молодым!

– Как же нечего?! – удивлялась Кузьминична, глядя на внучку. – Люди везде живут... Россия-матушка большая, потому-то со всем разом не справляется... А где родился, там, говорят, и пригодился!

– А я здесь родилась, – вздёрнув носик, задорно отвечала Люба, – разве ты забыла?

– Как забыть, Любаня?! – всплеснула руками Кузьминична. – С Васькой... тоись отцом твоим, в роддом за тобой ездила... Как же такое забыть – ещё как помню!

Радостная, полудетская улыбка неожиданно исчезла с лица девушки, и Люба, став задумчивой, негромко и с грустью произнесла:

– Родилась-то, родилась да не слишком, видно, пригоди-

лась...

Они на время умолкли, и Кузьминична, ласкова заглядывая в лицо внучки, подбадривала её:

– А ты, милая, не робей... Сказывай, Любаня, сказывай!

И Люба рассказала ей, как поступила на кондитерскую фабрику, про свою подсобную должность и работу в цеху, и даже про приставания к ней со стороны, как выразилась она, женатого и похотливого слесаря.

– Только этот придурок отстал, как другие неприятности начались, – говорила обиженно Люба. – Я в фасовщицы перевелась, а там мастерица придирааться стала... Тоже проходу не давала. Даже не знаю, на что ей сдалось это?!.. Разок с ней повздорила, так она потом на меня так взъелась, что из цеха пришлось уйти!.. Вот теперь с фабрики уволилась – другую работу ищу...

Бабушка с внучкой замолчали и призадумались.

– Учиться тебе надо, Люба – успеешь ещё наработаться, – первой заговорила Кузьминична, нежно коснувшись внучкиного плеча.

– Учиться?!.. Учиться всю жизнь можно, а личную жизнь надо щас устраивать, – произнесла Люба уверенным голосом, а затем, будто размышляя вслух, добавила: – А для чего учиться, чтоб потом с дипломом безработной стать?!.. Да ещё за свои деньги!.. Такие нынче в супермаркете на кассах сидят или в конторе на клавише стучат... Не хочу!

– Смотри, Любаня, думай – тебе жить, – поучала Кузьми-

нична внучку, – а знания – это не камни за пазухой носить – они не в тягость... А потом, глядишь, и пригодятся!

– Подумаю, – уже не так уверенно, как прежде, отвечала ей внучка. – Мне щас важнее работу найти, а там поглядим... К чему душа ляжет, туда учиться затем и пойду!

– Правильно, Любаня, верно! – соглашалась с ней Кузьминична. – Главное, чтоб толк был, а без него ничего... А без толку и жить нельзя!

Кузьминична вздохнула и, задерживая на внучке тревожный взгляд, спрашивала:

– А с работой как – найдёшь?

– Найду, баушка, найду...

Так, беседа, они просидели почти до самого вечера. Любаня ушла, пообещав Кузьминичне, что будет иногда заходить к ней в гости. Однако с тех пор с этим не спешила, а лишь звонила бабушке по телефону, но та была рада и этому.

Унылая прежде жизнь приобретала ныне какой-то новый смысл, и душа Кузьминичны наполнялась тихой радостью при одной лишь мысли о Любе. Теперь старуха знала, что Люба живёт в родном городе, пусть не у неё, но зато она может видеть и общаться с внучкой, что ещё совсем недавно казалось ей таким несбыточным. И у неё стали возникать даже кое-какие планы относительно своего будущего, но делиться ими с близкими людьми Кузьминична пока не спешила.

Она приободрилась, чуток повеселела, а необузданные, чванливые соседи сверху напомнили ей о себе только через неделю, когда затеяли по какому-то поводу гулянку в своей квартире.

Они, уже поздним вечером, устроили вместе с гостями что-то вроде танцев или плясок. Кузьминична терпела до одиннадцати ночи, а затем постучала деревянной скалкой по трубе отопления, как бы предупреждая их, что настала пора им уgomониться. Однако эффект от стука по трубе получился для старухи неожиданно противоположным: люди наверху, явно назло ей, начали подпрыгивать и топтать ногами ещё чаще и сильнее, словно в отместку Кузьминичне за её оригинальность в борьбе за законную тишину. Это безобразие продолжалось до тех пор, пока у крикливой и пьяной компании не заболели, видимо, пятки. Им надоело ду-

рачиться, и они продолжили свою весёлую попойку.

Кузьминична, перестав стучать по стояку, собралась было к соседям, чтоб как-то устыдить их, но передумала, представив на миг наглого, нетрезвого соседа сверху; пьяненькое, безглазое лицо его пастушки и такие же хмельные, бараньи физиономии их гостей.

Через день Кузьминична вышла во двор, чтоб отнести мешок с мусором. Вороньё, увидев старуху, слетело с мусорных баков, но недалеко. Остался всего лишь один ворон, точнее, молоденький воронёнок, однако выглядел он, как показалось Кузьминичне, смелым не по годам.

Воронёнок прилип на загородке, застыв в надменной позе, и даже не шелохнулся... Ветер обдувал ему чёрно-серую грудку, шевеля перышки, а жёлтые, ехидные глаза воронёнка смотрели на старуху с презрением, и он всем своим видом как бы говорил ей: «Чего уставилась, бабка?!.. Кидай свой мешок да проваливай, откуда припёрлась!»

Кузьминична удивилась этому и махнула на него рукой, но воронёнок не испугался и остался на своем месте, а старухе, сквозь завывания ветра, слышался чей-то недовольный, грубый окрик:

– Проваливай, дура!.. Проваливай!

Услышанное поразило старуху – ей почудилось, что это прокаркал гнусный воронёнок... И она побрела обратно домой в расстроенных чувствах, словно кто-то незаслуженно обидел её или опозорил.

Она медленно поднялась в подъезде до своей квартиры и, остановившись у двери, посмотрела наверх. Там, у распахнутого окна, стоял её сосед. Он лениво повернулся и бросил небрежный взгляд в сторону Кузьминичны. Свет из окна немного слепил её, но она сумела разглядеть самодовольное, злое лицо соседа, которое выражало лишь одно: «Ты ещё не сдохла, старая ведьма?!.. Ещё не сдохла, старая...»

Сосед, прежде чем отвернуться от неё, кажется, усмехнулся, а Кузьминична, пораженная тем, что прочитала в его глазах, замешкалась у двери с ключами и не сразу вошла в свою квартиру.

В прихожей она медленно разулась и, не надевая тапочек, прошла в комнату и в раздумьях уселась в кресло.

– Истинное слово – фашист... – тихо произнесла она и неожиданно удивилась собственным словам, поскольку давно, с далёкой военной поры, не произносила таких слов.

Кузьминична за всю жизнь не видела этих ненавистных извергов живьем, кроме военнопленных, работавших после войны на стройках её города, но тогда они показались ей обычными, несчастными людьми, а вот своего соседа она почему-то представила настоящим фашистом и искренне поверила в это.

Кузьминична, полностью уйдя в себя, просидела какое-то время, поглощённая переживаниями, пока не вспомнила, что собиралась не только вынести мусор, но сделать ещё кое-какие покупки. Однако, после всего увиденного и сво-

их грустных размышлений, решила никуда сегодня не выходить.

На следующий день Кузьминична отправилась в гости к одной старой знакомой. Возвращаясь от неё с хорошим настроением после душевной беседы, решила пройтись пешком и вышла из автобуса, не доезжая до нужной ей остановки.

Около подземного перехода кто-то её окликнул, она оглянулась по сторонам и увидела Любаню. Внучка подошла, они обнялись и расцеловались.

– А я здесь по делам... в поисках работы, – первой заговорила Люба.

– Ну и как? – спросила Кузьминична. – Что-нибудь присмотрела?

– Ага, – Люба засияла от улыбки, – макаронку... Я, ба, на фабрику макаронную, наверно, устраюсь – она здесь неподалёку.

– Смотри, милая, тебе видней! – ласково сказала Кузьминична и, задержав на внучке заботливый взгляд, добавила с лёгким укором: – А ко мне чего не заглядываешь?

Люба чуть смутилась:

– Да время всё нет... Вот устраюсь, жизнь налажу – тогда другое дело!

– Давай... налаживай... И звони почаще! – советовала бабушка внучке.

Поговорили они недолго и вскоре расстались – Любаня,

оказывается, спешила на эту самую макаронку.

Кузьминична неторопливо шла домой и думала о Любе, пока не остановилась, заметив случайно пастушку – соседскую жену. Она, стуча каблуками, направилась в одно заведение, расположенное на первом этаже высотного дома. Кузьминична с любопытством осмотрела то место, куда зашла женщина и обратила внимание на стену здания, где над входом висел большой рекламный щит.

– Салон красоты... ма... макияж... причёски... студия... ног... ногтевого сервиса, – прочитала она и, удивившись вычурному названию, подумала: «Неужели пастушка красоту тут себе наводит?.. Что-то я не заметила в ней особой красоты... А, может, просто здесь работает – кому-то ногти эти... копыта шлифует, а?.. Видать, так и есть!»

Уже около дома Кузьминична окинула взглядом вырубленный палисадник и не увидела знакомого молодого человека, обычно сидевшего там на стуле между кустами. Витя, как звали молодого человека, жил в соседнем подъезде. В детстве он переболел с осложнениями какой-то мудрёной болезнью, которая помешала ему нормально учиться и окончить школу.

Витя много читал и вырос достаточно развитым человеком, однако болезнь не позволяла ему жить обычной для многих жизнью. Став заложником неизлечимого недуга, он, как недееспособный, находился теперь под присмотром родственников.

Жильцы дома видели молодого человека нечасто, обыкновенно летом, когда близкие люди выводили Витю во двор и усаживали в палисаднике на стул. Там, щурясь от солнца, он со сладостью вдыхал живой и непривычный для него воздух улицы.

Здесь он мог подолгу рассуждать вслух, разговаривая не только с самим собой, но и с редкими людьми, кто подходил пообщаться с неунывающим Витей и услышать от него что-нибудь занятное. И со временем среди них у молодого человека появились даже приятели, с которыми он беседовал в ясную летнюю пору.

История умного, но больного мальчика, ставшего уже взрослым человеком, задевала Кузьминичну как некая несправедливость жизни, которая безжалостно обделила Витю и теперь проходит мимо него стороной.

Старуха, оказываясь поблизости или выходя на балкон, не раз слышала разные, непонятные слова из уст молодого человека и произвольно их запоминала.

«...Популяция, демократизация, симуляция, сибмуляция... – почти наизусть повторяла она сейчас про себя. – Нет, кажись, не так!.. Не сибмуляция, а... а сублимация... Точно – сублимация!»

Кузьминична даже обрадовалась, что правильно вспомнила учёное слово. Ведь для неё это значило, что никакая она ни ведьма и ни старуха безмозглая, как считают некоторые.

«А где, Витя, интересно? – подумала с тревогой Кузьми-

нична про несчастного молодого человека. – Давненько я здесь его не встречала... Может, что случилось, а?!»

Настроение у неё переменялось, и домой она вернулась уже ни такой весёлой. Чтоб как-то отогнать неприятные мысли старуха завозила на кухне. Однако мысли не отпускали, и она застывала иногда в задумчивости.

– Живи на яркой стороне, живи большими глотками, – Кузьминична недовольно пробурчала ввевшуюся фразу из надоедливой рекламы, а затем, будто подражая кому-то, заговорила с неожиданным ожесточением в голосе: – И хватай всё, выхватывай... Хватай и хапай!.. А подавишься – нам больше достанется... Вот так они и живут – бесы!

Вспыхнувшая у старухи ярость утихла быстро, но рассуждения не прекращались.

– Жизнь прекрасна... Наслаждайся! – язвительно, с усмешкой ворчала Кузьминична, а потом спрашивала сама у себя:

– А ко всем ли она так добра и справедлива... эта жизнь, а?.. К Вите, вот – несправедлива! – и тут же со злостью она вспоминала про своего соседа сверху. – А к этому, наоборот... Только какой от этого толк?!.. Никакого!.. Бес и паразит вырос!

Крохой Дюймовочкой Кузьминична не уродилась, и годы не превратили её в бабу под шесть пудов, однако неженкой она никогда не была. А сейчас, посмотрев на свои морщинистые, крупные руки, которыми в молодости ворочала мешки

весом в полцентнера, вдруг почувствовала в них, всего лишь на мгновение, прежнюю, знакомую ей силу и удивилась...

Любаня устроилась на макаронку и начала трудиться на новом месте. Работа оказалась не сложной и она быстро освоила особенности своей новой профессии. И теперь, минуя фабричную проходную, стала замечать среди охранников одного молодого мужчину. Этот симпатичный парень с ласковым взглядом, ещё не зная её имени, всегда с ней здоровался, называя Любу то красавицей, то аленьким цветочком.

Люба немного смущалась от такого к себе внимания, однако оно ей льстило. И девушка как-то поинтересовалась про парня у работниц из их бригады.

– На вахте который... Это вохр молодой, что ль?! – спросила её одна, уже пожилая работница, называя охранника по старинке вохром.

Люба застенчиво улыбнулась и кивнула головой.

– Они там часто меняются – не упомнишь! – сказала другая, что была помоложе и по возрасту годилась Любе в матери, но всё ещё смотрелась, как говорят, бабой в соку.

– А чё их запоминать?! – грубовато произнесла пожилая. – Они что – артисты?!.. Этих-то не упомнишь – расплодились, как зараза!

– Зовут его не то Вадик, не то Владик... – посмеиваясь, проговорила баба в соку. – А тебе зачем – приглянулся, да?

– Да, нет... просто так, – ответила Люба, уже жалея, что спросила о молодом охраннике с проходной.

– Воще, мужики нынче все ненадёжные! – уже без усмешки рассуждала баба в соку, а пожилая угрюмо добавила: – А какие щас мужики? – их нет... Одни тунеядцы-пьяницы да эти... вохры остались!

Симпатичный парень, на самом деле, звался ни Вадиком, ни Владиком, а Славиком. Любе он нравился и внушал ей доверие. Однажды, после смены, он встретил её у проходной, познакомился с ней уже как бы официально, предложив для начала отправиться в кафе при кинотеатре, а затем там же посмотреть новый американский фильм.

До кинотеатра они доехали на машине Славика, и Люба удивлялась про себя, как и откуда у простого вохра может быть такая крутая, красивая тачка?.. Впрочем, удивлялась она недолго, поскольку путь до кинотеатра оказался коротким.

Фильм захватил её полностью... И она не заметила, как пролетели два часа в переполненном кинозале. Потом Славик довёз Любу до её дома и с той поры начались их отношения.

Развивались они довольно быстро и уже меньше чем через месяц стали совсем близкими, когда заехав в рошу, Славик раздел Любу и там, на задних сидениях его красивой тачки, они занялись в первый раз любовью.

– Я так ни понарошку... ни для забавы... – шептала Люба,

а Славик с жаром клялся ей в любви и торопливо, непонятно зачем, говорил ей про то, что в штатах все девчонки теряют свою невинность в авто именно на задних сиденьях.

Когда самое важное, чего так настойчиво добивался Славик, между ними произошло, и они затихли через несколько минут судорожной близости, то Люба заметила на лице молодого человека лишь опустошенность и нескрываемое разочарование. Она не сразу поняла причину такой перемены в ласковом и добром Славике, а он отвернулся от неё и, не выходя из машины, закурил. Потом отошёл на время в сторонку, а когда вернулся с серьёзным видом, то коротко бросил, не глядя на Любу:

– Собирайся... поедем!

По дороге загрустившая Люба думала про штаты, про их девчонок и про свою невинность, которую подарила одному мальчику из своей школы ещё в десятом классе, будучи в приличном подпитии на одной вечеринке. Так, по дороге домой, она вспомнила наиболее яркие моменты своей ещё короткой жизни от той самой вечеринки до сегодняшнего дня и не заметила, как они подъехали к её дому.

Очнулась она, когда Славик поцеловал её в краешек губ, назвал милой и попрощался. Он, как и прежде, выглядел ласковым и добрым, отчего Люба вновь обрадовалась и тут же успокоилась.

Появление взрослой внучки в родном городе и ещё не со-

всем прочные с ней отношения, хотя и согрели душу Кузьминичны, однако ощущение одиночества и безысходности никуда не исчезало.

Она уже не искала никаких объяснений такому состоянию своей души, считая, что это неизбежно, как сама старость. А на днях Кузьминична снова застала своего соседа в подъезде – тот курил у раскрытого окна. Она подумала, что, наверное, к нему заехала погостить мамаша, которая не переносила табачный дым и не разрешала сынуле курить при ней даже на балконе.

Сосед, услышав шаги, повернулся к Кузьминичне, и она увидела его лицо, по которому скользнула надменная ухмылка, а весь его облик, как и раньше, настойчиво твердил ей лишь одно: «Ты ещё не сдохла, старая ведьма, а?!.. Ещё не сдохла, старая...»

В этот момент Кузьминична остро почувствовала, что испытывает к этому самодовольному существу с толстыми ляжками и упитанной, злобной физиономией непреодолимую ненависть. Ладони у неё самопроизвольно сжались в кулаки, и она, словно приготовилась к схватке с этим бесчеловечным существом.

Кузьминична вся напряглась, тяжело дыша от волнения, и очнулась лишь тогда, когда вспомнила, зачем она здесь очутилась, увидев перед собой знакомую дверь. Она расслабилась, достала ключ из кармана кофты и, провозившись с дверными замками, вошла затем в квартиру.

С того дня, заслышав громкие крики соседа или его звериный вой с похмелья, Кузьминична каменела лицом и тихо повторяла одну и ту же фразу: «Чтоб глаза мои больше тебя не видели... упыря проклятого!»

Размышляя в такие безрадостные минуты о будущем, Кузьминична представляла его ни как заманчивый и туманный коммунизм, когда-то ей обещанный благодушными лгунами, а очень конкретным и зримым.

...Она уже видела, как со временем их дом и другие дома в округе совсем обветшают, а жители куда-то из них исчезнут. И в этих заброшенных жилищах с чернеющими, разбитыми окнами останутся жить лишь безглазые упыри. Эти жутковатые существа, похожие на людей, станут перебираться толпами из квартиры в квартиру, из дома в дом, гадя и захламляя всё вокруг, а по ночам упыри будут вылазить из домов на улицу со светящимися дырками вместо глаз и, надышавшись вони от своих испражнений, начнут гоготать душевраздирающим хохотом...

От этой картины ей становилось не по себе. Всё в Кузьминичне в такие минуты закипало и у неё возникало желание освободить свою душу от этого, похожего на ненависть, нестерпимого чувства, от которого она будто захлебывалась... А Любаню охватило другое, незнакомое ей чувство к вохру Славику – какое-то страстное томление, желание что-то доказать ему и увидеть на его ласковом лице не разочарование, а что-то вроде восторга или радости. И для этого

Люба ездила теперь со Славиком на машине в рощу, где они занимались любовью на задних сидениях его красивой тачки цвета «мокрый асфальт».

Так, наверное, продолжалось бы ещё долго, но в одну из поездок ласковый Славик предложил девушке пососать, странно улыбаясь и разглядывая её какими-то ненормальными глазами, как в своё время придурковатый слесарь-механик с кондитерской фабрики. Любаня же просто возмутилась, ни успев еще до конца обидеться или обозлиться на возлюбленного. Вся горя от негодования и не слыша уговоров Славика, быстренько собралась и убежала, оставив своего ухажёра в роще с его любимой тачкой.

Люба сильно переживала о происшедшем в тот летний вечер, а Славик почему-то больше на вахте не появлялся, хотя наступила его смена, и не звонил опечаленной девушке.

Затем неожиданно заболела Кузьминична, но об этом Люба узнала не сразу, поскольку думала тогда больше о себе и своих отношениях со Славиком. Он же на работу не выходил, ни давал о себе знать, а она не хотела напоминать ему о себе первой – терпела и сама не звонила.

Зато вскоре позвонила тётя Валя – младшая дочь Кузьминичны и сообщила ей очень неприятную новость про бабушку: после ультразвукового исследования ей поставили страшный диагноз и жить бабушке, видимо, осталось не так много. Ещё Валя поинтересовалась её делами и предложила встретиться.

Позже они договорились о том, что Люба будет приглядывать за бабушкой по вечерам и оставаться у неё до утра. Так у Любы началась тревожная жизнь, заполненная другими заботами, где для ласкового вохра Славика и переживаниям по нему места почти не осталось. Хотя краешком уха девушка что-то слышала о странной смерти какого-то мужика с их фабрики, но не придавала этому никакого значения.

Теперь, после больницы, на квартире за Кузьминичной с утра до вечера ухаживала тётя Валя, а с вечера до утра с бабушкой оставалась Люба.

Незаметно полетели однообразные и уже ни такие беззаботные, как прежде, дни и вечера.

Кузьминична, продолжая болеть, говорила мало и неохотно, но жизнью Любы интересовалась.

– Как с работой... нравится? – спрашивала она внучку.

– Нравится... ничего, – тихо отвечала Люба, вздыхая, – работать можно...

– А как с учёбой, Любаня? – кряхтела, ворочаясь в постели, Кузьминична. – Ничего... ещё ничего не надумала?

Любино личико становилось напряженным и она, продолжая вздыхать, говорила:

– Я, ба, наверное... Я, наверное, в иняз через год пойду.

– В иняз? – будто переспрашивая, произносила Кузьминична. – Иняз... Это ж, Любаня, иностранные языки, так что ль?!

– Да, – печальным голосом отвечала Люба.

– Интересно... – словно спрашивая себя, проговорила бабушка, а затем добавила с едва заметной лукавинкой в оживших глазах: – Замуж... замуж, небось, за... за иностранца собралась, а?

– Да, нет... – отвечала Люба, улыбаясь. – Щас, ба, без языков нельзя – глобализация... А с ними жить проще.

Они обе умолкали, и Кузьминична, спустя время, задумчиво говорила, будто рассуждая вслух:

– Проще... Жить проще... Простой жизни, Любаня, не бывает – тут не рай... Простой жизни нет.

И бабушка была права, особенно, когда Любаня стала подмечать в себе пока ещё не слишком заметные изменения, происходящие с её женским организмом. Она встревожилась и позвонила Славику, но телефон симпатичного вохра не отвечал.

Устав от бесплодных звонков, Люба уже собралась что-нибудь разузнать про него в отделе кадров, но в самый последний момент передумала... А вот перебраться на постоянное жительство из квартиры родителей матери к больной бабушке решила – и против этого никто не возражал.

Этот шаг был необходим и выглядел, в общем-то, закономерным, поскольку каждый вечер после работы Люба приходила к бабушке. Ухаживая за ней, оставалась ночевать, чтоб на следующее утро снова отправиться на работу и, по сути, уже проживала в квартире больной бабушки. К тому же Люба хотела, чтобы родители матери как можно дольше не ведали об изменениях, неумолимо происходящих с ней. И теперь, перебравшись жить в квартиру Кузьминичны, Люба полностью исчезла из-под их присмотра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.